

...all these moments will be lost in time...
«Blade Runner» by Ridley Scott

На рассвете Тришу разбудил шум за окном. Ходит кто-то, палой листвой шуршит, ветки трещат — ну и дела! Она немного поворочалась с боку на бок, потом все-таки оделась, шаль на плечи набросила и вышла в сад поглядеть, что там происходит. Хозяйским, так сказать, глазом. На Франка надежды мало, вряд ли он сейчас дома. Не в его привычках встречать рассвет в собственной спальне.

Ну и хорошо, что вышла. Осталась бы в постели — долго еще прислушивалась бы к шорохам да голову ломала: что там творится? А тут сразу все стало ясно. Это, оказывается, гость, который Макс, забрел в сад, залез зачем-то на дерево, совсем не высоко, всего в паре метров над землей, нашел удобную ветку, расселся там, как в кресле, скрестил руки на груди, смотрит в небо, ухмыляется мечтательно, ногами болтает. Живо́й туман приполз из глубины сада, окутал плечи гостя, как плед, чтобы не замерз человек, не простудился. Молодец, что тут скажешь? Всегда бы так.

— Уже проснулся? Так рано?

Триша удивлена — слов нет. Разошлись-то сильно за полночь.

— Ага, проснулся, как же! Просто еще не ложился, — объясняет Макс. — Я тебя разбудил, когда на дерево

лез? Извини, Триша. Чему я, наверно, никогда не выучусь, так это бесшумно двигаться.

— Ничего, — отмахивается она. — Разбудил, конечно, но я люблю иногда на рассвете вставать. Поспать потом и днем можно, если захочется. А ты что, вовсе никогда не спишь?

— Ну что ты. Спать — мое основное занятие. Видеть сны и сниться, а больше я толком ничего и не умею, пожалуй, — улыбается он. — Я скоро лягу. Вот покурю и... Самое милое дело — дрыхнуть до полудня. Или дольше. Пока пинками из постели не погонят.

— Да кто ж тебя погонит? — изумляется Триша. — Спи себе на здоровье, сколько влезет.

— Какая ты молодец. Очень правильно рассуждаешь. Все бы так! — вздыхает он.

Помолчали.

Трише ужасно интересно, чем он всю ночь занимался, но она знает, что люди не любят расспросов, ей Франк объяснил. А то бы спросила, конечно. Но Макс сам понял, что она умирает от любопытства, и пришел на помощь.

— Я Джуффина проводил немножко, — говорит.

— А Джуффин все-таки ушел? — всполошилась Триша. — Почему? Разве ему у нас не понравилось?

— Еще как понравилось. Грозился, теперь часто будет заходить. Дескать, дорогу уже знает... Просто у него куча дел, действительно. И подозреваю, как минимум одна очень серьезная проблема, которую нужно срочно обдумать и обсудить. Со старшими, так сказать, товарищами.

— Проблема? — хмурится Триша.

— Ну да. Я и есть эта самая проблема, — охотно объясняет Макс, сопровождая драматическое признание чудовищным зевком. — Я же правду говорил, Мир, который чудом уцелел — причем не без моей скромной

помощи, — теперь тает от моего взгляда. Скажешь, не проблема?

— Ну, ты же туда не собираешься, значит, и беспокоиться не о чем, — рассудительно говорит Триша.

— Ну да — не о чем! Мои благие намерения, честное слово и прочие прекрасные глупости — так себе гарантия безопасности. Не хотел бы я быть частью реальности, существование которой зависит только от честного слова какого-то доброго дяди. Особенно если этот дядя — я сам.

— Ты себе не веришь? — удивляется Триша.

— Ну почему же, верю — до какого-то предела. А иногда посмотрю в зеркало, а оттуда ухмыляется незнакомый хмырь, и рожа у него самая что ни на есть подозрительная. И вот ему-то я не верю ни на грош.

— Трудная у тебя жизнь, если так, — сочувственно говорит Триша.

— Зато интересная. Да нет, не так все страшно, конечно. Но Джуффину действительно надо разобраться, почему реальность тает от моего взгляда. Что не так — с Миром или со мной? Или с обоими? Пока не поймет, не успокоится, я его знаю. К тому же ему придется придумать, как свести опасность к минимуму. Убивать он меня не станет, это понятно. Даже если отбросить сентиментальные соображения, шеф не любитель добро понапрасну переводить. А запереть меня не имеет смысла — сбегу. Рано или поздно, так или иначе, а — фьють! — и нет меня. Я отовсюду сбегаю, иногда — непреднамеренно. Таково свойство моего организма, и Джуффин это прекрасно знает. Значит, придется ему придумать еще что-нибудь. Я рад, что это не мои проблемы. Я бы на его месте рехнулся, пожалуй.

— Он точно придумает, — обещает Триша. — Что-нибудь такое, что всех устроит. Он такой... Такой!

Она умолкает, потому что не знает слов, подходящих для достойной похвалы сэру Джуффину Халли. Разве только фуками всплеснуть, глаза возвести к небу, задержать дыхание, а потом медленно-медленно выдохнуть и улыбнуться.

— Эй, да ты, похоже, влюбилась в моего бывшего шефа, — Макс лукаво ей подмигивает и качает головой — не то удивленно, не то укоризненно.

— Конечно, влюбилась, — Триша рада, что он ее правильно понял. — А как еще?

Немного поразмыслив, она приходит к выводу, что правильно, но не совсем.

— Ты не забывай, — строго говорит Триша, — я же только с виду человек. У кошек все иначе. Когда я говорю, что влюбилась, это значит, я просто счастлива, что такое существо есть на свете. А уж если вдруг оно рядом со мной какое-то время будет находиться — вообще сказка, праздник! И ничего мне от него больше не надо. Пусть что хочет, то и делает. Ну, если по голове меня погладит, я, конечно, от счастья расту. А нет — так нет, не беда и не повод для грусти. Погляжу на него, послушаю, да и пойду по своим делам. Вот это я называю — «влюбиться». А ты что подумал?

— Ерунду я подумал, — Макс улыбается до ушей. — Извини, Триша. У меня тоже иногда получается так влюбиться, как ты рассказываешь. Но не всегда. Ох, не всегда!

— Это потому что ты не кот, — снисходительно объясняет она. — Конечно, тебе труднее! Но если хоть иногда получается, уже хорошо. Ты молодец.

— Спасибо, — очень серьезно отвечает Макс. И головой кивает — вроде как кланяется. По-настоящему-то не поклониться, когда на дереве сидишь.

— А ты с Джуффиним больше не ссорился? — спрашивает Триша. — Он точно не поэтому ушел?

Спрашивает и сама себе удивляется. Еще недавно так стеснялась новых гостей (а Макса — в особенности), глаза лишней раз поднять на него не решалась, а теперь, гляди-ка, как старшая себя ведет, то хвалит его, то расспрашивает бесцеремонно. Это, наверное, потому, что невозможно стесняться человека, который сидит на дереве и болтает ногами, как мальчишка. А он ничего, терпит, не спешит поставить ее на место. Хороший такой. Зря она вчера вечером на него сердилась.

— Да ну, какие там ссоры, — отмахивается Макс. — И давеча в кофейне — это же не ссора была. Просто в свое время мы расстались при таких обстоятельствах, что я твердо знал: все, больше никогда Джуффина не увижу*. Ну и пришлось всеми правдами и неправдами выкидывать его из сердца, потому что иначе я рехнулся бы. Для меня в ту пору Джуффин был всем. Господом богом и добрым дядюшкой, лучшим в мире начальником и любимым учителем, старшим братом и ангелом-хранителем — словом, совсем не тот случай, когда достаточно знать, что есть где-то во Вселенной такой человек, и радоваться... В общем, как-то я его из сердца все же выкинул и худо-бедно успокоился. А тут он снова появляется в моей жизни, и ну обратно в сердце ломиться! Не впускать — не выходит, впускать — трудно, больно и, самое главное, непонятно, с чего начинать. Вот я и лез на стенку. Но теперь-то дело сделано, ни к чему больше комедию ломать, надо просто учиться дружить, как он с самого начала и предложил... Ну вот, в результате мы с ним полночи тут в саду просидели, трепались о том о сем, и я пошел его провожать. А потом уже Джуффин меня провожал обратно, потому что в одиночку я бы десять тысяч

* Обстоятельства эти описаны в повести «Тихий город».

лет плутал, пожалуй... Интересными тропами он между Мирами ходит, ничего не скажешь! Увлекательная вышла прогулка. Круче, чем в Северо-западный проход играть.

— А как это — играть в Северо-западный проход? — спрашивает Триша. И, спохватившись, добавляет неуверенно: — Или это тайна?

— Да ну, что ты! Какая же это тайна? Просто игра. Залезай ко мне, я тебе правила расскажу. Тут как раз места хватит. Отличная ветка.

Триша давно уже хотела к нему залезть, но все же немного неловко было без приглашения. А теперь-то чего медлить, одним прыжком, раз — и там.

— Ловкая какая, — одобрительно говорит Макс. — Я по сравнению с тобой медведь неуклюжий.

— Ну, ты же не родился котом, — напоминает она. — Зато ты другие вещи умеешь. Чай имбирный у тебя вчера здорово получился. Ну и наш Город тоже хорошо вышел.

— Вот! Мне очень нравится твоя расстановка приоритетов. Этому мне точно надо бы у тебя поучиться.

Странный он все-таки. Никак не поймешь, когда шутит, а когда серьезно говорит. Впрочем, очень может быть, что Макс делает это одновременно. С него станется.

— Северо-западный проход, — напоминает Триша. — Играть! Как?

Нескладно вышло, зато понятно, чего она сейчас от него ждет.

— Ага. Северо-западный проход. Правила. Слушай, — в тон ей отвечает Макс, и они оба смеются — тихонько, чтобы никого не разбудить.

— Правила простые, — отсмеявшись, говорит Макс. — Нужно пройти из одного места в другое

каким-нибудь новым, неизвестным тебе путем. Чем больше откроешь со временем новых дорог, тем лучше. Вот у тебя есть какой-то постоянный маршрут? Куда-нибудь ты изо дня в день ходишь?

— Ну, например, на рынок и обратно. Не каждый день, но часто. Всегда одной и той же дорогой хожу, самой короткой. А как еще?

— Дело хозяйское, конечно. Кому как нравится. Но суть игры в том и состоит, чтобы найти как можно больше разных способов добраться от твоей кофейни до рынка. Это могут быть очень длинные, путаные и неудобные дороги. А можно случайно найти еще более короткий путь, так бывает. Если, скажем, не по улице, а проходными дворами. Ну, как повезет.

— А как понять, выиграл ты или проиграл? — спрашивает Триша. — В человеческих играх так положено, чтобы был победитель. Я знаю, мне Франк объяснял.

— Очень просто. Если ты пойдешь незнакомой дорогой и не заблудишься, не упрешься в тупик, не застрянешь в запертом дворе, а доберешься до цели, значит, выиграла. А если придется возвращаться назад и начинать все сначала — проиграла. Но, честно говоря, проигрывать — тоже сплошное удовольствие. Столько всего интересного можно обнаружить в этих самых тупиках да запертых дворах... Знай себе ныряй в любой проем, одно из двух: или проложишь новую прямую между двумя точками, или просто забредешь неведомо куда, увидишь что-нибудь эдакое, испугаешься до полусмерти, налюбуйешься властью, да и пойдешь назад.

— Наверное, — соглашается Триша.

Она удивлена. Прежде ей и в голову не приходило превращать поход на рынок в приключение. Оказывается, можно и так.

— Ты сам эту игру выдумал? — спрашивает она.

— Нет, что ты. В книжке вычитал*. Давно еще, когда маленький был. С тех пор это у меня любимая игра.

— А почему именно Северо-западный проход? Надо сначала обязательно на северо-запад идти?

— Нет, что ты. Просто в книжке, которую я читал, дети искали северо-западный вход в школу. У них еще было важное условие — не опоздать на урок. Но я, честно говоря, на часы особо не смотрю. Сутками готов плутать, мне только волю дай.

— Я, наверно, попробую поиграть в твою игру, — говорит Триша. — Мне уже интересно, один дворик на Тихой улице, с красной калиткой — он проходной или как? И куда ведет Мокрый мост, я же так ни разу по нему и не гуляла... Слушай, выходит, я тут давно живу, а Город толком не знаю. Как же так?

— Обычное дело, — утешает ее Макс. — Мало кто хорошо знает город, в котором живет. Думают, это неинтересно. Зато чужие города изучать полно охотников. Вот я, например.

И снова тихо смеется. Над собой, что ли?

— Я и чужих городов не знаю, — вздыхает Триша, — и свой — не очень-то. Только нашу кофейню, этот сад и несколько соседних переулков. Тут-то я, конечно, все уже разведала.

— Ну вот, — подмигивает ей Макс. — Самое время приступить к новым исследованиям.

Потом он все-таки идет спать, а Триша, прихватив корзину, отправляется на рынок. Торговцы только через час соберутся, не раньше. Вот и славно. Значит, спешить некуда. Можно теперь же, не откладывая, поискать новый путь. Но обратно, с покупками — кратчайшей дорогой, тут не до прогулок. А может быть, ей повезет и сыщется попутчик. Обычно когда

* Эта игра описана в рассказе Герберта Уэллса «Дверь в стене».

корзина очень уж тяжелая и Трише по-настоящему неохота пешком домой возвращаться — не просто лень, а действительно тяжело, — обязательно находится желающий помочь. С тележкой, или на воздушном шаре, или на лошади, это уж по обстоятельствам, но выручат ее непременно. Так уж в Городе заведено, чрезмерной опекой никто особо не избалован, но мелкие проблемы решаются сами собой, а серьезных вроде бы и нет ни у кого. То ли Макс так придумал, то ли потом уже само сложилось — да какая, собственно, разница? Главное, что так есть.

Франк объявился только в сумерках, когда немногочисленные завсегдатаи «Кофейной гущи» уже ушли, а гости как раз вернулись с прогулки и попросились помочь, так что Триша усадила их обрывать лиловые лепестки цветов, предназначенных для салата. В кои-то веки Франк пришел не с пустыми руками, принес бутылочку росы, собранной с цветущих яблонь, и пригоршню разноцветных прозрачных камней, которые тут же принялся толочь в ступе. Не то в кофе будет класть этот чудодейственный порошок, не то в суп — поди разбери. Триша никогда прежде не видела таких специй, да и гостинцами не слишком избалована, поэтому обрадовалась не на шутку, даже в пляс пустилась — сама, не дожидаясь, когда Франк попросит.

— А я сегодня в Северо-западный проход играла! — говорит она, угомонившись. — Макс меня научил.

Франк приподнимает бровь. Дескать, вот оно как. Но, кажется, очень доволен.

— Макс — такой, да, ему лишь бы детишек несмышленных глупостям всяким учить, — наконец говорит он. — В этом, думаю я, и заключается смысл его существования. Крысоловом из Гамельна не ты ли часом был?